

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

*Сен-Марсо, Париж
24 августа 1572 года*

Все начинается со звона колокола в ночи — он всегда знал, что именно так и будет.

— Ох, ради всего святого, да что это еще теперь? — вздыхая, ворчит жена. — Я еще и глаз не сомкнула, а уже вставать.

— Тс-с-с, — шепчет он в ответ. — Еще не рассветает. Попробуй заснуть, это скоро прекратится.

Но не тут-то было. Колокол продолжает звонить, зловеще и настойчиво, и в конце концов Фрэнсис Вальсингам оставляет в постели свою крайне раздраженную беременную жену с непомерно большим животом, а сам идет к окну.

Опустив задвижку, он через невысокие крыши соседских домов смотрит на север, в сторону города, откуда и слышится этот набат.

— Это доносится от дворца Сен-Жермен, — говорит его дочь. Она тоже уже проснулась на своей выдвинутой постели, которую днем прячут под кровать родителей.

— У тебя хороший слух, — шепотом замечает он.

— А что случилось? — спрашивает она. — Мне снились плохие сны.

Он успокаивает ее какими-то невразумительными фразами, а сам наощупь ищет свой дублет¹.

— Фрэнсис? — окликает его жена.

— Я вернусь к рассвету, — заверяет ее он.

Выйдя в коридор, он находит там своего помощника и агента Оливера Фэллоуза; тот уже оделся и держит в руке зажженную свечу. Этот красивый молодой человек с рыжеватыми волосами и аккуратно подстриженной бородкой — сын Джона Фэллоуза, старинного друга Вальсингама; парню двадцать лет, и он вдвое моложе своего начальника.

— Рад тебя видеть, Оливер, — начинает Вальсингам. — Ты только что снизу поднялся или успел просочиться с улицы?

Несмотря на тревогу, которую нагоняет звон колокола, Фэллоуз смеется.

— Работаем, сэр, — врет он.

Вальсингам тоже смеется.

Чего, кстати, не делал уже много дней.

— Как думаете, что это такое? — спрашивает Фэллоуз.

— Ничего хорошего.

По узким ступенькам они спускаются вниз, где их, готовясь открыть засов входной двери, с масляной лампой в руке ждет привратник — приземистый француз, реформат по вероисповеданию. Все трое выходят во внутренний двор и, застыв в теплом августовском воздухе, некоторое время молча смотрят на усыпанное звездами ночное небо Парижа.

— Это не пожар, — глубокомысленно замечает привратник. — Ночью пожар виден за много лье, да и запах дыма тоже сразу чувствуется.

— Что же тогда? — спрашивает Фэллоуз. — Какой-то религиозный праздник?

— С утра будет День святого Варфоломея, — сообщает им привратник. — Но это не то, явно не то.

¹ Дублет — род верхней мужской одежды в Средние века, разновидность камзола. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Фэллоуз переходит на осторожный шепот:

— А не может это быть из-за Колиньи? Или для этого еще слишком рано?

Вальсингам и сам в первый момент со страхом подумал о том же: что колокол звонит по Гаспару де Колиньи, вождю французских протестантов-гугенотов, вдруг скончавшемуся от ран. Два дня назад его пытались убить выстрелом из аркебузы откуда-то из окна верхнего этажа, но пуля лишь задела локоть и оторвала один палец. От этого он точно не должен был умереть — разве что началось бы заражение крови.

А может, это все-таки произошло?

Если да, то теперь уже никто не знает, что будет дальше. Станут ли гугеноты сразу же искать возможность отомстить католикам? Или же католики упредят их и сами атакуют гугенотов первыми? Париж сейчас — это пороховая бочка. Как и вся Франция. Да что там Франция — весь христианский мир на данный момент напоминает пороховую бочку, готовую взорваться в любую минуту.

— Нет, — говорит Вальсингам Фэллоузу. — Послушай: моя дочь права. Это колокол на королевской часовне Сен-Жерменского дворца. Католики никогда не стали бы оплакивать Колиньи.

Фэллоуз соглашается с ним, но думает, что эти рассуждения все равно не помогают им понять, что происходит.

В этот момент к набату присоединяется второй колокол, а через миг — еще один.

«Господи Иисусе, — думает Вальсингам, — да они просто передают сигнал».

Внутри у него все холодеет. Так вот оно что. Все-таки случилось то, чего они больше всего боялись.

— Отправьте кого-нибудь разбудить сэра Филиппа, — говорит он привратнику. — А также Тьюлиса и всех его людей. Скажите им, чтобы не зажигали огни и не выпускали никуда женщин.

Привратник что-то ворчит себе под нос, но идет будить сэра Филиппа Сидни, секретаря Вальсингама, и Тьюлиса, командира его охраны. Вальсингам поворачивается к Фэллоузу.

— Оливер, — доверительным тоном говорит он, — прежде чем все это приобретет совсем уж уродливую форму, нам необходимо кое-что сделать. Можешь раздобыть где-нибудь пару шпаг, — а также любое другое оружие, если получится, — и как можно быстрее встретиться со мной у конюшен?

Фэллоуз удивленно поднимает брови:

— Мне вызвать отряд охраны?

— Нет, — отвечает Вальсингам. — Лучше, если нас будет только двое. Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания.

Фэллоуз бросает на него испытующий взгляд.

— Это как-то связано с госпожой Коше? — спрашивает он.

Вальсингам с трудом сдерживает улыбку. «Ах, — думает он, — еще один из нас попал под действие чар Изабель Коше».

— Нет, — отвечает он. — Надеюсь, она останется в Лувре. Там она будет в безопасности, что бы ни произошло.

«Да уж, Изабель Коше будет в безопасности, куда бы она ни пошла и что бы ни случилось», — думает он. Или надеется, по крайней мере: в конце концов, это ведь он послал ее в Лувр подслушивать у каждой двери и заглядывать в каждую замочную скважину; следовательно, если с ней что-то случится, тогда именно ему, Фрэнсису Вальсингаму, придется лично объяснять ее маленькой дочке, — которой сейчас, наверное, лет шесть, — что мать ее погибла: точно так же он когда-то был вынужден рассказывать и самой Изабель, что ее муж был убит у него на службе.

Вскоре после этого он встречается с Фэллоузом у освещенных факелом конюшен позади резиденции, на глазах у нерешительно мнущегося конюха. Вальсингам надева-

ет непривычную для себя портупеею и вставляет шпагу в ножны, после чего, сопровождаемый Фэллоузом, выводит лошадь во двор.

Во дворе уже стоит сэр Филипп Сидни: он без шляпы, и волосы его слегка взъерошены.

— Что происходит? — с тревогой спрашивает он.

— К вам переходит командование резиденцией, — сообщает ему Вальсингам. — Мы с Оливером вернемся примерно через час, самое большее — через два. Если нас не будет дольше, вы знаете, что делать.

Все сжечь и эвакуировать резиденцию. Да, да. Он все знает. Но все равно озабоченно хмурится.

— А не могу я поехать вместо вас? — спрашивает он, впрочем, уже зная, каков будет ответ.

Вальсингам вскакивает в седло.

— Великодушно с вашей стороны, сэр Филипп, но это...

Он трогает поводья.

Все трое прекрасно его понимают.

— Готов? — спрашивает он у Фэллоуза.

Фэллоуз молча кивает.

Когда открываются ворота, на улице по-прежнему темно, но небо на востоке кроваво-красного цвета с зеленоватыми тенями; теперь в Париже звонят уже все колокола. Они выезжают на дорогу по направлению к Малому мосту, и ворота позади них закрываются.

Сен-Марсо — спокойный район Парижа, где живут в основном приверженцы реформатской веры; и это все, что Вальсингам может позволить себе в качестве ежедневного «рациона общения». Сейчас встревоженные местные жители стоят вдоль дороги, прислушиваются к колокольному звону и расспрашивают друг друга о новостях; через открытые двери домов в глубине их жилищ смутно белеют постели, из которых они только что выбрались.

Очень скоро все выясняется: Вальсингам и Фэллоуз не успевают проехать и сотни шагов, как появляется скачущий

во весь опор всадник — стража у ворот Сен-Марсель бросается от него врассыпную.

— Они убили Колиньи! — кричит он. — Католики! Они выбросили его из окна! Теперь они идут сюда, убивая всех на своем пути! Бегите! Бегите! Именем Господа! Они всех вас перебьют!

Он не останавливается, продолжая выкрикивать на ходу. Повсюду поднимаются вопли и крики, и соседи Вальсингама бросаются по своим домам.

Вальсингам прищипривает лошадь, направляя ее к мосту; Фэллоуз следует рядом.

— Куда мы едем, сэръ? — спрашивает он. — И что собираемся делать?

— В Нотр-Дам, — отвечает Вальсингам. — Нужно увидеть священника.

В первых утренних лучах дорога перед ними заполняется сплошным потоком бегущих навстречу людей. Их лошади начинают нервничать. Вальсингам продолжает пробираться вперед сквозь толпу.

— Назад! — кричат ему.

— Сюда идут католики!

Но Вальсингам и Фэллоуз двигаются дальше наперекор разрастающейся толпе, и вот уже они минуют первые городские ворота. Ловушка, должно быть, это ловушка. Все в нем говорит: разворачивайся и беги. Дорога впереди сужается между высокими домами. Все так же звонят колокола, и по-прежнему мимо них торопливо проталкиваются мужчины и женщины — сейчас их уже сотни. Кто-то одет в самое лучшее, кто-то — прямо из постели; все несут в руках то, что смогли унести, — в основном детей.

— Они отрубили ей руки! — плачет какая-то женщина. — Они отрубили руки моей матери! — Она поднимает вверх свои руки, словно удивляясь, что они еще на месте.

— Они просто... *мясники!*

— Воры!

— Зверье!

Ярость Вальсингама как будто приобретает физическую форму, похожая на кляп, который затыкает ему горло, мешая дышать. Как они могут? Они же католики! Как они могут нападать на своих единоверцев-христиан и резать их, как свиней осенью? Ему хотелось бы очутиться сейчас у себя на родине, в Англии, подальше от этих папских чудовищ с их ненасытной жадой крови и извращенными религиозными предрассудками. Он давно боялся, что здесь может произойти нечто подобное.

Рядом с ним в напряженном молчании скачет заметно побледневший Фэллоуз.

Тяжелый дух беды они ощущают, еще не доехав до моста, — кровь. Она заполняет каждую трещинку между камнями, издавая знакомый специфический запах меди. Это смущает их лошадей, они начинают топтаться на месте и мотать головой.

— Давай же, — подбадривает Вальсингам свою лошадь, а заодно и лошадь Фэллоуза. — Мы должны проехать мост, пока его не закрыли.

Но они опоздали. Дорога впереди пустеет. А большие ворота с южной стороны Малого моста уже закрыты. Город заперт изнутри. И да поможет Господь тем, кто оказался в этой западне.

Фэллоуз ждет, надеясь, видимо, что Вальсингам повернет назад, но тот еще не сдался.

— Попробуем по реке, — говорит он.

Он ведет их на восток по улице Бушри, улице мясных лавок, где запах старой крови на булыжниках мостовой заглушает запах свежей.

— Здесь, — командует он, и они спешиваются.

Заведя лошадей в какой-то более или менее закрытый дворик, они привязывают их к столбу, а сами идут в другую сторону и по каменным ступеням спускаются к воде.

Уже совсем светло, и поэтому им прекрасно видно, как какие-то люди на острове Ситэ прямо в тени колокольни собора Нотр-Дам сталкивают в реку тело мертвой женщины. Она голая, и у нее одна рука. Когда труп падает в Сену, эти люди замечают их и машут им отрубленной рукой. Затем они, смеясь и издавая одобрительные возгласы, шагают вдоль берега и затягивают какую-то песню, слова которой Вальсингам разобрать не может. Они размахивают рукой той несчастной, будто это кадило, а они по весне окуривают границы своего церковного прихода, хотя на самом деле они ищут, кого бы им убить еще.

Вальсингама тошнит, но он сдерживает приступ рвоты.

Берег реки здесь очень грязный и неухоженный. Они находят вытащенную на сушу лодку, которая спрятана под покосившимся деревянным навесом. Хозяин, видимо, сбежал вместе со всеми остальными.

В лодке лежит весло и шест для отталкивания, и они поспешно волокут ее в быстрые и бурые воды Сены.

— Господин, вы уверены? — спрашивает Фэллоуз.

— Мы должны это сделать, — отвечает ему Вальсингам.

Еще один толчок, и лодка уже на плаву. Вальсингам берет шест, Фэллоуз — весло, и они выруливают на течение. Здесь глубоко, и Вальсингам не достает до дна своим шестом. Фэллоуз энергично работает веслом, как венецианский гондольер, но их все равно сносит на запад в сторону моста. По поверхности плывет мертвое тело. Это не собака. Человек. Он толстый и голый, а кожа на спине лопнула от ударов хлыстом.

Справа ярко светит солнце над неровным контуром громадного собора и крыш домов острова Ситэ в двадцати шагах от них.

Слава богу, с моста их не заметили, когда они проскользнули в одну из арок, коснувшись бортом огромной опоры. В этой внезапно возникшей темноте Вальсингам хватается за цепь, вмурованную в стену, и они быстро выскакивают

из лодки, увязая в тине. Здесь пахнет дерьмом. Затем они затаскивают лодку с течения в самый темный закоулок, где рассчитывают найти ее, чтобы вернуться обратно. Вальсингам жалеет, что не перекусил.

Чуть дальше по берегу они видят ступени, ведущие к приделу собора, но, прежде чем подняться по ним, Вальсингам останавливается.

— Оторви полоску ткани от рубахи, — говорит он Фэллоузу.

Перед этим он обратил внимание, что у всех тех людей на правой руке выше локтя был повязан простой белый платок — вероятно, это отличительный знак. У каждого к шляпе также был приколот белый крест, но с этим Вальсингам ничего поделаться не может. Они с Фэллоузом отрывают нижние края своих рубах и повязывают эти лоскутки друг другу на руки, а закончив, разглядывают, что из этого получилось.

— Я похож на католика? — спрашивает Вальсингам.

Фэллоузу удается усмехнуться в ответ.

Потом он осторожно касается руки Вальсингама, и тот, зная, о чем его хотят спросить, упреждает вопрос:

— Я знаю, что со стороны это выглядит безумием, Оливер, и я бы никогда не попросил тебя сделать это, если бы... если бы все будущее Англии сейчас не висело на волоске. Но ситуация именно такова. Если нам не удастся сегодня проникнуть в собор, мы упустим прекрасный шанс совершить одно большое и очень важное доброе дело.

Он двигает рукой, как будто ловит этот невидимый шанс.

— И что же это? — не унимается Фэллоуз.

Вальсингам понимает, что должен дать своему агенту нечто большее, чем просто смутные намеки, но секретность — его вторая натура. Ему трудно рассказать больше, и он должен принуждать себя сделать это.

— Речь идет о кое-каких сведениях, — торопливо начинает он, сознавая, что если остановится, то дальше уже

не продолжит. — Из бортового журнала корабля адмирала да Сильвы.

Фэллоуз напряженно прищуривает глаза. Он уже готов недоверчиво уточнить имя португальского адмирала, но в последний момент останавливает себя. В этот миг он очень похож на мальчика, а в следующий — на юношу с накладной бородой.

— Выходит... Так вот что мы, оказывается, искали? — тихо говорит он.

Вальсингам молча кивает, словно не доверяя словам, произнесенным вслух.

После секундного размышления Фэллоуза посещает новая догадка:

— А как... как вы пришли к этому?

На самом деле здесь целых два вопроса: «Как вам удалось додуматься до этого так, чтобы я не знал?» И: «Можно ли доверять этим сведениям?»

— Мы поговорим об этом потом, — произносит Вальсингам. — Но сейчас мы должны добыть это, прежде чем покинем Париж навсегда.

Фэллоуза удалось убедить. Это хорошо.

— Тогда вперед.

Они начинают подниматься по лестнице, но на середине пути видят кровь, которая течет сверху: медленно заполняя углубления на стоптанных камнях, она льется со ступени на ступень. Эти лужицы приходится перешагивать. На самом верху их ожидает некое подобие ада: здесь лежит целая гора обнаженных трупов, и из нижних под весом верхних ручьем сочится кровь. Чуть дальше между ними и лестницей собора площадка перед храмом превратилась в настоящую бойню, где хорошо вооруженные мужчины беснуются в неистовстве резни и зверских убийствах. Они кромсают живых и мертвых чем попало — секачами мясника, алебардами и топорами дровосека, — расчленяя тела обеими руками, сосредоточенно и яростно, стараясь

перещеголять друг друга, как будто дело происходит на ярмарочном конкурсе и они своей доблестью пытаются произвести впечатление на подружек.

На ступенях храма, чуть повыше самых больших луж крови, стоят многочисленные церковники собора Нотр-Дам. На них парадные красные одежды, они вынесли дароносицы и, пока кадилашки размахивают своими кадилами, хором поют благодарственный гимн *Te Deum*¹; но острый запах крови забивает фимиам, а пения не слышно из-за криков умирающих.

— Господи милостивый! — вырывается у Фэллоуза, и он судорожно прикрывает рот рукой.

С окружающих улиц сюда поступают все новые жертвы — их тянут за волосы, за ноздри, за ноги. Некоторые уже мертвы, иные продолжают кричать — голые, причитающие, захлебывающиеся рвотой. На огороженной территории собора повсюду нагромождены груды трупов, вокруг которых разливается красный шлейф. Вальсингам вдруг чувствует, что сапоги его промокают, и, опустив глаза, видит, что стоит в глубокой луже крови.

— Пойдем, — командует он.

Они идут вперед через все это адское пекло. Вальсингам понимает, что ему никогда не забыть натужное кряхтенье мясников и тот звук, с которым разрубается человеческая плоть. Он никогда не забудет эти лица — как убийц, так и их жертв. Не забудет удушливый, будто в покойницкой, сложный смрад — крови, пота и дерьма.

По мере приближения к главной лестнице собора он различает слова гимна: хор поет славу Господу. Здесь сквозь запах крови уже пробивается дым фимиама.

Их появление на ступенях храма не остается незамеченным. Один из прислужников с луврской кухни — он и в самом деле служит там мясником — вышел передохнуть от

¹ Благодарственная католическая молитва «Тебя, Боже, хвалим» (лат.).

своей нелегкой работы и освежиться из бутылки дешевого красного вина, которое любит пить по утрам; он сразу обращает внимание на двух подозрительных мужчин, движущихся в собор, так сказать, против течения. Ему кажется, что он узнал английского посланника, которого помнит по тем временам, когда тот еще служил королю и отказывался есть конину. Подтолкнув локтем напарника, он хватается за свой мясницкий тесак, лезвие которого стало сине-черным от запекшейся крови, а рукоятка — по этой же причине — липнет к ладони, и они вдвоем направляются к новым визитерам, оставляя кровавые следы на камне.

Вальсингам и Фэллоуз входят в собор через маленькую дверцу в самых больших западных дверях. Дверца эта громко захлопывается у них за спиной, и они погружаются в гнетущую погребальную тишину нефа. Здесь никого нет, однако внезапно рядом с ними возникает человек с тонкими губами и бледным лицом, сияющим в полумраке, как молодая луна. Трудно сказать, священник это или кто-то еще. Вальсингам окунает пальцы в чашу со святой водой и крестится по-католически. Фэллоуз копирует его действия. Похоже, это убеждает священнослужителя. Вальсингам замечает, что у Фэллоуза на лбу осталось розовое пятно. «Дверная ручка, — думает он. — На дверной ручке была кровь».

Он говорит священнику, что хотел бы помолиться в базилике святой Клотильды.

— Она закрыта, месье, — отказывает им священник.

Предложенная монета оказывается в состоянии открыть базилику, но только ненадолго.

Священник провожает их в боковую часовню с левой стороны. Они оставляют следы на каменных плитах пола. В базилике расположен надгробный камень в память о каком-то давным-давно умершем канонике, а свет падает внутрь через высокое окно с красивым витражом из цветного стекла. Небольшой алтарь застелен покрывалом, но кроме этого здесь больше ничего нет.